

В.Р. Апухтин

**Сердце России первопрестольная столица
Москва и Московская губерния в
Отечественную войну**

1812-1912

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Р. Апухтин**
Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну: 1812-1912 / В.Р. Апухтин –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 64 с.

ISBN 978-5-458-09893-9

Очерк и архивные материалы.
С приложением точных оттисков с воззвания к первопрестольной столице Москве от 6 июля 1812 г. и с указа от 25 июля 1812 г. о составе Комитетов Московской военной силы, рисунков и плана г. Москвы (после пожара).

ISBN 978-5-458-09893-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ I-я.

МОСКВА—СЕРДЦЕ РОССИИ.

(Очеркъ, составленный на основаніи печатныхъ источниковъ и архивныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ во II-й части настоящей книги).

Во все тяжелыя години народныхъ бѣдствій русскаго государства, во время войнъ, смуть и междоусобицъ, первопрестольная столица Москва всегда выносила на себѣ все наиболѣе тяжелыя удары враговъ. Какъ въ смутное время 1612 года Москвѣ пришлось въ своихъ стѣнахъ видѣть хищническое господство польскихъ и литовскихъ людей, такъ, 200 лѣтъ спустя, новый, еще болѣе жестокий и страшный врагъ захватилъ ее въ свои руки, жегъ ее огнемъ, грабилъ ея богатства и ругался надъ ея святынями*).

Москва—сердце Россіи—это знали все, знали и враги ея; не даромъ стремились они овладѣть ею. Но сердце Россіи—сердце великаго народа, закаленнаго въ своихъ непримѣрныхъ страданіяхъ; всегда выдерживало оно бурные натиски враговъ, всегда, хотя и истекая кровью, сохраняло оно жизненныя силы и, въ концѣ концовъ, громко праздновало побѣду надъ своими недолговременными завоевателями.

6 іюля 1812 года въ лагерѣ подъ Полоцкомъ Императоръ Александръ I, ясно понимая серьезное положеніе своего государства, границу котораго перешли войска непріятеля, подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ, въ которыхъ призывалъ весь народъ русскій соединиться для защиты своего отечества. „Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжатъ нести оружіе свое внутри Россіи,—говорилось въ манифестѣ,—Мы.. не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнородныя силы велики, и что отважность его требуетъ неустаннаго противъ нея бодрствованія. Сего ради.. полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, панося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой (регулярное войско) и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всехъ!.. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь все!..“

Кромѣ того, Государь считалъ нужнымъ обратиться къ Москвѣ: „...наипервѣе обра-

*) Искони глубоко вѣрующій русскій народъ видѣлъ въ такихъ временныхъ испытаніяхъ Божье наказаніе за грѣхи свои. Въ грамотахъ, обыкновенно, такъ объяснялись событія смутнаго времени: „какъ за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестьянства злымъ умысломъ Польсково Жигимонта короля и пановъ радъ и Совѣтомъ Московскаго государства измѣнниковъ Михайла Салтыкова да Федки Андрюнова съ товарищи польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди черезъ многое королевское и пословъ его и гетмана коруново Станислава Жолковскаго крестное цѣлованье царствующій градъ Москву выжгли и высѣкли и церкви Божіи осквернили и безчисленное множество православныхъ крестьянъ посѣкли и царскую казну прежнихъ Великихъ Государей Царей росискихъ неисчетное собраніе и богатства всякихъ московскихъ людей разграбили“.

щаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ; она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ, она изливала всегда изъ шдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящей надобности, какъ нынѣ. Спасенія вѣры, престола, царства, того требуютъ. Итакъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго Дворянства Нашега, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ, духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ Государства Нашега мѣстахъ для совѣщанія и руководства всѣми Нашими ополченіями“.

Это воззваніе произвело въ Москвѣ сильное впечатлѣніе. Всѣ горѣли желаніемъ притти на помощь отечеству, сразиться съ врагомъ и изгнать его изъ родныхъ земель. И вотъ утромъ 11 іюля, когда въ Москвѣ распространился слухъ о скоромъ пріѣздѣ Императора Александра I, огромныя толпы народа стали стекаться къ Дорогомиловской заставѣ. Купцы, закрывая лавки свои, шли въ церковь, молились тамъ о дарованіи побѣды и тоже снѣжили встрѣтить Государя. „Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга,—какъ описываетъ С. Н. Глинка въ своихъ „Запискахъ“ этотъ памятный день,—казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла навстрѣчу Государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. На Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща, земля какъ будто бы исчезла подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радупіемъ передавали другъ другу свои мысли. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Между тѣмъ допеслась въ рощу молва, что у заставы Дорогомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, какъ будто бы смолвась душами и мыслью, воскликнули: „Не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ, мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ!“ Однако Государь въ этотъ день не пріѣхалъ, а остался въ селѣ Перхушковѣ. Народъ, ожидавшій его, былъ сильно огорченъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ разошелся по домамъ. Но 12-го іюля рано утромъ уже разнеслась вѣсть, что Государь пріѣхалъ и выйдетъ сегодня къ народу. Тысячи москвичей спѣшили въ Кремль увидѣть Государя, и въ девять часовъ онъ, наконецъ, вышелъ на Красное крыльцо. При видѣ его весь народъ преисполнился умиленьемъ и любовью къ своему Государю. „Ангель нашъ! Веди насъ, куда хочешь! Всѣ пойдемъ за тобою! Умремъ за тебя!“—слышалось повсюду; а когда Александръ I подъ громкій звонъ колоколовъ сошелъ съ крыльца и направился въ Успенскій соборъ, гдѣ должно было совершиться торжественное молебствіе по поводу заключенія мира съ Турціей,—тогда восторженный подъемъ чувства народнаго достигъ своего апогея. Одинъ какой-то кунаецъ или мѣщанинъ приблизился къ Государю и воскликнулъ: „Не унывай! Видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя!“ И этими немногими словами онъ выразилъ мысли и чувства всего народа. Понятно, что послѣ его словъ восторженные возгласы усилились; всѣ стремились протискаться поближе къ Государю, прикасались къ нему и цѣловали его одежду, а онъ, со слезами умиленія на глазахъ, кланялся во всѣ стороны и просилъ полицейскихъ не раздвигать тѣснившихся передъ нимъ горожанъ. „Не троньте, не троньте ихъ,—говорилъ онъ,—я пройду.“ И дѣйствительно, онъ свободно прошелъ до Успенскаго собора подъ восторженные клики своихъ подданныхъ, заглушавшіе несмолкаемый колокольный звонъ.

15-го іюля Государь назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться въ Слободскомъ дворцѣ для изысканія средствъ къ борьбѣ со врагомъ. Онъ былъ увѣренъ, что Москва, а за нею и вся Россія, дадутъ ему эти средства, что всякій съ великой радостью пойдетъ защищать свое отечество, и что въ денежныхъ пожертвованіяхъ недостатка не будетъ. И, въ самомъ дѣлѣ, Государь не ошибся: та часть его манифеста, гдѣ говорилось о желаніи видѣть „въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина“,—эти слова сбылись на дѣлѣ, и каждый русскій старался, по мѣрѣ силъ своихъ, оправдать желанія Государя.

Залы Дворянскаго и Купеческаго Собраній едва вмѣщали всѣхъ желающихъ попасть на созданное Государемъ собраніе. Повсюду слышался оживленный разговоръ, загорались споры, произносились страстные рѣчи. С. Н. Глинка произнесъ одну изъ такихъ рѣчей, которая оказалась, какъ показали послѣдствія, пророческой. Онъ сказалъ: „Мы не должны ужасаться; Москва будетъ сдана!“ Она будетъ сдана потому, что „во-первыхъ, отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искусственной обороны, достаточной къ остановленію сильнаго непріятеля; во-вторыхъ, изъ всѣхъ отечественныхъ лѣтописей нашихъ явствуетъ, что Москва привыкла страдать за Россію; въ третьихъ, сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы“. Къ концу рѣчи Глинки въ залѣ явился графъ Раstopчинъ и, указывая рукой на залы Купеческаго собранія, сказалъ: „Оттуда польются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя“. И тутъ же было рѣшено, что каждый изъ своихъ крѣпостныхъ людей выставить въ ратники десятого.

Между тѣмъ въ Купеческомъ залѣ Государь послѣ молебствія сталъ говорить, по слезы брызнули у него изъ глазъ при первыхъ же словахъ, и всѣ купцы, умиленные сердцами, воскликнули: „Государь! Возьми все, что имѣемъ мы, возьми все — и жизнь и имущество наши!“ И дѣйствительно, съ необыкновенной щедростью стало жертвовать московское купечество, такъ что не прошло и двухъ часовъ, какъ уже было собрано полтора милліона рублей. Но это было только въ началѣ, позднѣе же, какъ писалъ Государь графу Салтыкову, „одни дворяне пожертвовали до трехъ милліоновъ, а купечество слишкомъ до десяти“. Жертвовали всѣ, кто тѣмъ могъ: холстомъ, сукномъ, мукой, гусарскими пуговицами, сапогами, лафетами съ ящиками, ружьями и т. п. Нѣкоторые жертвователи выказывали себя истинными патриотами; такъ, напримѣръ, штабсъ-ротмистръ Иванъ Кузьмичъ Сикорскій, „имѣя только двухъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, представилъ ихъ въ ополченіе вмѣстѣ съ положеннымъ провіантомъ, одеждою и для каждаго изъ нихъ съ саблею и пикою. Сверхъ того представляетъ въ пользу казны получаемую имъ пенсію, сто тринадцать рублей въ годъ составляющую“. За это графъ Раstopчинъ испрашивалъ ему въ награду орденъ Св. Владиміра 4-ой степени. Московскій мѣщанинъ Андрей Николаевичъ Ельчинскій, „бѣдный и безъ поужденія, единственно изъ усердія, пожертвовалъ 31300 штукъ разной деревянной посуды и деньгами 200 рублей“, за что былъ награжденъ золотою медалью на Владимірской лентѣ. Московскій городской голова изъ своего 100000 состоянія пожертвовалъ половину на земское войско. Братья купцы 2-ой гильдіи Василій и Петръ Усачевы, по Указу Императора Александра I, „въ воздаяніе ревностнаго усердія къ пользѣ общей... оказаннаго ими по засвидѣтельствуванію Московскаго Военнаго Губернатора пожертвованіемъ на нужды государственныя значущей суммы“—были освобождены „отъ градской по купеческому званію службы“, а нѣсколько другихъ купцовъ, тоже за пожертвованіе „значущихъ суммъ“, были пожалованы въ коммерціи совѣтники.

Въ этотъ день 15-го іюля, когда темныя тучи надвигались на небо Россіи, Москва еще разъ доказала свою любовь къ родинѣ и Государю.

Москва, по мѣрѣ приближенія къ ней непріятеля, жила все болѣе тревожной жизнью. Всѣ, разумѣется, знали о стремленіи Наполеона овладѣть первопрестольной столицей Россіи и тамъ подписать миръ, который онъ продиктуетъ Александру I; поэтому всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ читались съ жадностью. Графъ Раstopчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, назначенный на эту должность Высочайшимъ указомъ отъ 17 іюля 1812 года,—какъ и многіе другіе, не допускалъ даже и мысли о томъ, что Москва можетъ быть сдана непріятелю. „Повѣрьте мнѣ,—говорилъ онъ одной знакомой дамѣ,—пока я главнокомандующимъ въ Москвѣ, я не отдамъ ея ключей Наполеону.“ Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ генеральнаго сраженія и писалъ фельдмаршалу о томъ, что въ Москвѣ онъ приготовилъ „обширное и удобное зданіе, называемое Екатерининскій дворецъ, гдѣ можно до 8000 помѣстить больныхъ, слѣдственно и отправленіе ихъ прикажите дѣлать въ Москву, а не въ Волоколамскъ, гдѣ городъ малъ и безъ способовъ къ продовольствію; здѣсь мы всѣ за рапеными и больными станемъ смотрѣть, какъ за дѣтьми“. На просьбу Кутузова прислать генералу Милорадовичу для усиленія войска Московскаго ополченія, Раstopчинъ отвѣтилъ, что „Московская сила почти вся собрана

и, сверхъ чаянія, по времени довольно образована; вся она направлена къ Можайску по предписанію г-на Военнаго Министра, который требовалъ какъ можно болѣе и скорѣе людей на усиленіе войскъ“.

Среди жителей Москвы въ это тревожное время бродили всевозможные слухи. Толпа, нервно настроенная, была крайне чувствительна къ этимъ слухамъ, видѣла повсюду шпионовъ, и иногда, просто изъ-за ничего, расправлялась самосудомъ съ какимъ-нибудь иностранцемъ, показавшемся ей почему-либо подозрительнымъ. Графъ Растопчинъ, старался, по сколько возможно было, сдерживать московское населеніе отъ смуты; онъ расклеивалъ по городу свои афиши, гдѣ старался поддержать духъ гражданъ и опровергнуть слухи, распускаемые смутьянами. „Слава Богу,—писалъ онъ,—все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить,—и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять... Не бойтесь ничего, нашла туча, да мы ее отдуемъ, все перемелется—мука будетъ. А берегитесь одного: пьяницъ да дураковъ; они распустя уши шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. (Потому) прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его (Наполеона) выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ ни былъ, за хохоль — да на сѣзжую; тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава, и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣляюсь, хоть пяти пядей будь во лбу!“ Но, несмотря на увѣренія Растопчина, что „мы тучу отдуемъ“, многіе жители Москвы спѣшили, пока еще не поздно, выѣхать изъ столицы. Съ каждымъ днемъ ихъ уѣзжало все больше и больше. Графъ Растопчинъ писалъ по этому поводу: „... Я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились, безъ возврата. Если по ихъ есть опасность, то непристойно, а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему...“ Дальше слѣдовало подробное объясненіе о составѣ и численности нашихъ войскъ и въ концѣ добавлялось: „А если мало этого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, Дружина Московская! пойдемъ и мы! И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божью Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ!“.

Понятно, что изъ Москвы выѣзжали люди болѣе или менѣе состоятельные; оставались тѣ, кому или терять было нечего, или кто не хотѣлъ разставаться съ роднымъ городомъ, или кто въ самомъ дѣлѣ, подобно Растопчину, не вѣрилъ въ возможность захвата Москвы французами. Между простонародьемъ распространялась враждебность къ уѣзжающимъ изъ города; одному помѣщику, напримѣръ, пришлось переодѣться женщиной, чтобы безпрепятственно выѣхать за заставу.

Послѣ Бородинскаго сраженія Растопчинъ опубликовалъ присланное къ нему донесеніе Кутузова, гдѣ говорилось, что во время жаркаго сраженія „съ помощью Божіею русское войско не уступило ни шагу, хотя непріятель въ ужасныхъ силахъ покушался сбить его изъ его позиціи. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и Московскую святыню, дать ему рѣшительный ударъ“. Вслѣдъ за этимъ Кутузовымъ было прислано еще два письма, гдѣ также говорилось, что „русское войско не уступило ни шагу“. Эти извѣстія необычайно подняли духъ москвичей. У Иверской были отслужены благодарственные молебны, и уже почти всѣ были увѣрены, что теперь французамъ до Москвы не добраться. Къ несчастью, радость эта была недолговременна, потому что вскорѣ же послѣ этого было получено извѣстіе о томъ, что русская армія отступила къ Можайску. Такимъ образомъ она пододвигалась все ближе и ближе къ столицѣ и слѣдомъ за нею также двигалась армія непріятеля. Правда, носились слухи, что для защиты Москвы будетъ дано еще сраженіе, но этому уже мало вѣрили да и не надѣялись на благоприятный исходъ битвы. Тогда началось почти поголовное бѣгство изъ Москвы; по всѣмъ улицамъ тянулись подводы и кареты, всѣ спѣшили уѣхать, чтобы не оставаться въ неминуемомъ плѣну у французовъ. На смѣну имъ являлись новые жители—тысячи раненыхъ солдатъ и офицеровъ... Оставшіеся въ Москвѣ горожане спѣшили, сколько возможно, помочь имъ; самъ Растопчинъ заботился о доставленіи имъ убѣжища, врачей и лѣкарства. Въ это же время, по мѣрѣ того, какъ пустѣла столица, на поверхность стали выплывать разные подонки общества. Такъ, графъ Растопчинъ рассказываетъ, что „за три дня до вступленія непріятеля въ Москву, мнѣ дали знать, что нѣкто Наумовъ, маленькій дворя-

нинъ, адвокатъ, пользовавшійся худою извѣстностью, подговаривалъ лакеевъ и назначилъ имъ мѣста, гдѣ надо собраться, чтобы пуститься на грабежь, когда придетъ время. Онъ собралъ и записалъ болѣе 600, когда я узналъ объ этомъ умыслѣ. Я приказалъ его схватить; но онъ уже уѣхалъ, оставивъ мнѣ со спискомъ въ рукахъ тѣхъ негодяевъ, которые должны были по его распоряженію грабить городъ“. Желая возбудить оставшихся жителей противъ непріятеля, Растопчинъ расклеилъ слѣдующее воззваніе: „Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить животь, защищая отечество. Не пустимъ злодѣя въ Москву; но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать: Москва наша мать, она насъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба, идите со Крестомъ. Возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвыи ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ“. Но результатъ этого „воодушевленія“ получился очень плохой. Возбужденная чернь начала собираться въ толпы, требовала, чтобы ее вели на бой съ французами, хватала казавшихся ей подозрительными лицъ, грабила кабаки и чуть не на-смерть избивала какихъ-то двухъ ни въ чемъ неповинныхъ пѣмцевъ.

1 сентября на Филияхъ былъ военный совѣтъ генераловъ, на которомъ было постановлено сдать Москву непріятелю безъ сраженія. Но объ этой сдачѣ жители столицы и самъ главнокомандующій ея узналъ только ночью. Тотчасъ же графъ Растопчинъ отдалъ приказъ о вывозѣ изъ Москвы большихъ и раненыхъ. Такихъ было вывезено около 20.000 человѣкъ; ихъ отправили въ Коломну, гдѣ для нихъ были приготовлены бараки; остались въ Москвѣ только тяжело раненые, рѣшившіеся не разставаться съ ней и ждать здѣсь своей смерти. Самъ Растопчинъ выѣхалъ изъ Москвы 2 сентября; уже когда онъ былъ за заставою, до него донеслись три пушечныхъ выстрѣла. Это стрѣляли вступившіе въ столицу французы по небольшой кучкѣ москвичей, собравшейся около Кремля. Здѣсь трудно обойти молчаніемъ одинъ печальный фактъ жестокой расправы графа Растопчина съ сыномъ московскаго второй гильдіи купца Верещагина. Дѣло въ томъ, что этотъ Верещагинъ, „воспитанный иностраннымъ и развращенный трактирною бесѣдою“, былъ арестованъ за то, что будто бы сочинилъ бумагу, въ которой „между прочимъ вздоромъ сказано, что французскій Императоръ Наполеонъ общается черезъ шесть мѣсяцевъ быть въ обѣихъ Россійскихъ столицахъ“. Растопчинъ, передъ отъѣздомъ своимъ, вышелъ съ Верещагинымъ на крыльцо и, громко сказавъ толпившемуся у ступеней народу—„Вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва!“—отдалъ его на расправу черни. Ординарецъ Бурдаевъ ударилъ несчастнаго саблей по головѣ, и озвѣрѣлая толпа черезъ минуту ужъ волокла его обезображенный трупъ по улицамъ.

Императоръ Александръ I узналъ о сдачѣ Москвы только 7 сентября: посланный отъ Растопчина привезъ письмо, въ которомъ графъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ извѣщалъ Государя о томъ, что Москва безъ борьбы отдана непріятелю. „Адъютантъ князя Кутузова,—писалъ Растопчинъ,—привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей Имперіи! Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею. Я все вывезу; мнѣ остается плакать объ участи моего отечества“.

Черезъ день 8 сентября самъ Кутузовъ, черезъ своего посланнаго, полковника Мишо, извѣстилъ Государя о положеніи дѣлъ. „Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26 числа августа, сраженія долженъ былъ я оставить позицію при Бородинѣ по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастье донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того армія была весьма ослаблепа. Въ такомъ положеніи приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семь педальнемъ разстояніи не представлялось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностью принять непріятеля. Войска, съ которыми мы надѣялись соединиться, не могли еще притти. Непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской и другую по Звени-

городской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы: а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться попустить непріятеля войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести вамъ, всемилостивѣйшій государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи.“ Заключительныя слова стараго полководца оказались въ послѣдствіи болѣе, чѣмъ справедливыми, но въ первое время и самъ Александръ I и вся Россія безъ глубокой скорби не могли сознать, что Москва отпала во власть и на поруганіе ненавистнымъ врагамъ.

Изъ записокъ Тьера мы видимъ, что Раstopчинъ заранѣе уже лелѣялъ мысль оставить французамъ лишь мертвый городъ безъ жителей. Онъ мечталъ, не думая о послѣдствіяхъ предпринятыхъ имъ мѣръ, оставить завоевателямъ лишь груды пепла и золы. Но Раstopчинъ никого не посвящалъ въ свои тайныя мысли. Мы имѣемъ нѣкоторыя историческія данныя для того, чтобы указать на его намѣреніе. Ермоловъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ о разговорѣ Кутузова съ гр. Раstopчинымъ, когда послѣдній говорилъ, что не понимаетъ, почему Кутузовъ усиливается непременно защищать Москву, указывая на то, что вывезено все казенное имущество, въ церквахъ не осталось ничего драгоценнаго, и наконецъ въ концѣ разговора замѣтилъ, что „если безъ сраженія мы оставимъ Москву, то вслѣдъ за собою увидимъ ее тлѣющею“. Это ясно доказываетъ, кто былъ первый инициаторъ грандіознаго Московскаго пожара. Освобождались даже уголовные преступники и поручалось имъ по оставленіи жителями столицы, поджечь ее и заботиться о томъ, чтобы она сгорѣла до тла. Въ помощь арестантамъ,—продолжаетъ знаменитый историкъ Тьеръ, — Раstopчинъ командировалъ нѣсколько человѣкъ низшихъ полицейскихъ служащихъ, которые должны были руководить ихъ дѣйствіями. Такимъ образомъ Раstopчинъ бралъ на свою совѣсть выполненіе этого акта пелыханной злобы.

2-го сентября войска Наполеона вступили въ городъ и Наполеонъ съ лѣвой стороны Камеръ-Коллежскаго вала ожидалъ депутацію съ ключами города. Но время проходило, никто не являлся; прискакалъ офицеръ съ извѣщеніемъ, что Москва пуста. Наполеонъ не хотѣлъ сперва вѣрить и приказалъ просить къ себѣ бояръ. Наконецъ, явилась депутація изъ столицы, которая состояла не изъ дворянъ, а изъ иностранцевъ, занимавшихся торговлей, и нѣсколькихъ простолюдиновъ. Наполеонъ, не удостоивъ даже взглядомъ эту депутацію, поѣхалъ въ городъ. 3 сентября Москва, по словамъ автора Записокъ объ Отеч. войнѣ Богдановича, имѣла печальный видъ. Всѣ попрятались, кто гдѣ могъ. Когда Кутузовъ и Раstopчинъ оставили Москву, въ Кремлѣ собралась толпа народа. Одинъ пришелъ изъ любопытства, а другой кричалъ, собираясь дать отпоръ непріятелю. Нѣкоторые изъ этой толпы пытались защищаться, когда французы подходили къ Троицкимъ воротамъ: раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, французы имъ отвѣтили выстрѣлами изъ орудій; нѣсколько человѣкъ пали окровавленными, а остальные просили о помилованіи. Когда Наполеонъ въѣзжалъ въ Москву 3-го сентября, то всѣ улицы были пусты и двери заперты. „Ни одного человѣка! Что за пародъ; это невѣроятно!“—воскликала онъ. Подъѣзжая къ Кремлю, онъ сказалъ: „Вотъ эти гордые стѣны!“ А вошедши во дворецъ, воскликнулъ: „Наконецъ, я въ Москвѣ въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!“ Вслѣдъ за въѣздомъ Наполеона къ Кремлю, войска его заняли предзначенныя имъ части Москвы. Они ожидали здѣсь найти покой и отдыхъ.

Москва ласкала взоръ и внушала къ себѣ уваженіе; этотъ громадный городъ сверкалъ на солнцѣ позлащенными своими куполами, безчисленные дворцы и дома были окружены красивыми холмами, у подножія которыхъ извивалась Москва-рѣка. Повсюду солдаты встрѣчали гробовое молчаніе. Когда молодая гвардія вступила въ Кремль, Наполеонъ назначилъ Мортье генералъ-губернаторомъ столицы, а Мюрату поручилъ не терять изъ вида русскую армію. Остальныя французскія войска оставались за городомъ, такъ какъ хотѣли избѣгать грабежей. Видно изъ дневника приказовъ по Арміи, оставленнаго французами при бѣгствѣ

изъ Россіи, а затѣмъ доставленнаго въ Сенатъ съ прочими интересными документами 1912 г., какъ старалось французское правительство, видимо, остановить грабежъ случайный, а съ другой стороны, подъ видомъ „приготовленія себѣ запасовъ продовольствія“, какъ говорится въ приказѣ, вводитъ грабежъ правильный, систематическій. Въ первую же ночь послѣ занятія Москвы французами начались пожары, вмѣстѣ съ тѣмъ и грабежъ Гостиного двора. Тушить пожары было нечѣмъ, такъ какъ всѣ пожарныя трубы были вывезены изъ города. Огонь являлся разомъ во многихъ мѣстахъ: на Покровкѣ, на Арбатѣ, на Никитской, на Тверской и на Поварской. 4-го сентября съ утра поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ, который бушевалъ съ такой силой, что скоро все слилось въ одно огненное море. Генералы и начальники французскихъ отрядовъ сперва поддерживали дисциплину въ рядахъ своихъ войскъ, но при видѣ богатствъ, погибавшихъ въ огнѣ, не могли болѣе удерживать отъ мародерства своихъ солдатъ, которые стали смотрѣть въ данныхъ условіяхъ на грабежъ, какъ на законный поступокъ. Рѣдко кто спалъ въ эту ночь въ Москвѣ. Наполеонъ провелъ ея покойно въ Кремлѣ въ роскошныхъ палатахъ русскихъ царей. Ему сообщилъ о пожарѣ докторъ. Сперва Наполеонъ думалъ, что пожаръ происходитъ отъ неосторожности солдатъ, а потомъ мысль, что русскіе, быть можетъ, подожгли Москву, пришла ему въ голову. „Первымъ его движеніемъ—говоритъ графъ Сегюръ,—былъ гнѣвъ, онъ хотѣлъ властвовать надъ стихіей, но потомъ созналъ себя побѣжденнымъ: враги превзошли его въ рѣшимости“. Имъ овладѣло страшное безпокойство; быстрыми шагами пробѣжалъ онъ дворцовыя комнаты. По временамъ бралъ въ руки бумаги со стола, но тотчасъ ихъ опять кидалъ и подходилъ вновь къ окнамъ, чтобы слѣдить за распространявшимся пожаромъ. Изъ его груди вырывались рѣзкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это сами они поджигаютъ. Сколько прекрасныхъ зданій! Что за люди! Это скиены!“

Послѣ этой рѣчи нѣкоторые изъ окружавшихъ Наполеона думали, что причина пожара заключается въ недостаткѣ дисциплины и пьянствѣ солдатъ. „Намъ совѣстно было смотрѣть на себя,—говоритъ очевидецъ графъ Сегюръ.—Насъ устрашалъ крикъ ужаса, который раздался по всей Европѣ! Это страшное событіе помрачило нашу славу, вырвало изъ нашихъ рукъ плоды побѣды. Мы—войско разбойниковъ, надъ которымъ должно совершиться правосудіе Божіе и всего образованнаго міра! Москва не существуетъ—говорилъ самъ Наполеонъ—пропала награда, которую я обѣщаль моимъ храбрымъ войскамъ“.

Пожаръ свирѣпствовалъ все болѣе и болѣе. Поставленные на кровляхъ солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся на дворецъ. Наполеонъ чувствовалъ, что ему самому небезопасно оставаться въ Кремлѣ. Его просили выѣхать изъ Кремля, но онъ не обращалъ ни на кого вниманія. Кремль былъ наполненъ солдатами, всѣ были готовы выступить, но Наполеонъ медлил оставить Кремль. Въ срединѣ дня 4-го сентября огонь охватилъ башню, прилегающую къ арсеналу. Положеніе, въ которомъ очутился Наполеонъ, заставило обратиться къ нему съ просьбой немедленно покинуть дворецъ. Въ 2 часа по полудни 4-го сентября онъ рѣшилъ выѣхать въ Петровскій дворецъ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ Наполеону со своею свитой удалось выбраться изъ Кремля и при наступленіи темноты дойти до Петровскаго дворца. За Наполеономъ и его свитой выступили изъ Москвы и нѣкоторыя войска, подъ ихъ охрану сбѣжались и нѣкоторые иностранцы и даже немного русскихъ. Кремль отстояли, но почти весь городъ страшно пострадалъ; среди развалинъ валялись человѣческіе трупы и обугленные скелеты лошадей, коровъ и собакъ. Лишь нѣсколько дворцовъ уцѣлѣло. Съ 5-го сентября пожаръ началъ уменьшаться. Когда Наполеонъ рѣшилъ возвратиться въ Кремль, то увидалъ положеніе своихъ войскъ. „Лагерь былъ расположенъ на поляхъ, покрытыхъ липкою и холодною грязью,—говоритъ графъ Сегюръ,—повсюду горѣли костры, въ которыхъ огонь поддерживали мебелью изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дверями изъ богатыхъ домовъ.“

Наполеонъ встрѣчалъ солдатъ, обремененныхъ награбленной добычей. По развалинамъ, кое-какъ прикрывая свою наготу, скитались ограбленные жители. Императоръ увидалъ, что, несмотря на его приказы, изданные для устройства порядка въ городѣ, „все его войско разсѣялось по городу“, какъ говорилъ графъ Сегюръ, бывший въ его свитѣ. Помѣстившись снова въ Кремлевскомъ дворцѣ, Наполеонъ позаботился учредить военный судъ надъ русскими поджигателями; еще 3/16 сентября изданъ приказъ о томъ, что если въ теченіе 24 часовъ русскіе офицеры и солдаты не явятся къ Коменданту города, то будутъ убиты. Самое потря-

сающее зрѣлище былъ пожаръ русскихъ госпиталей. Насчитываютъ сгорѣвшихъ до 15.000 больныхъ. Въ военномъ госпиталѣ нашли свою смерть 2.000 храбрыхъ участниковъ Бородинскаго сраженія. Когда пожаръ сталъ ослабѣвать, начались ужасные грабежи. Наполеонъ пожелалъ узнать количество домовъ и имуществъ, уцѣлѣвшихъ отъ огня; ему донесли, что уцѣлѣла лишь пятая часть Москвы, изъ 30000 домовъ осталось не болѣе 5 тысячъ и что почти всѣ магазины истреблены огнемъ. Эти цифры ужаснули Наполеона, но онъ тѣмъ не менѣе отдалъ остатки сожженной Москвы въ добычу своимъ солдатамъ. Начинается грабежъ правильный, систематическій. Въ опредѣленные дни отряжалъ отъ себя каждый корпусъ по нѣсколько ротъ для грабежа или, какъ говорилось въ приказѣ, „для приготовленія себѣ запасовъ провіанта.“ Какъ не прилично составленъ былъ этотъ приказъ, но исполненіе его повлекло за собой страшные грабежи и насилія. Систематическій порядокъ, царствовавшій въ этомъ грабежѣ, придавалъ ему ужасный характеръ. Это продолжалось восемь дней. Жизнь москвичей была ужасно тяжелая. Дни съ 3-го по 8-ое сентября останутся навсегда отмѣченными въ исторіи.

Возвращаясь въ Кремль, Наполеонъ остановился у Воспитательнаго Дома, гдѣ нашли пріютъ около тысячи раненныхъ, покинутыхъ Растопчиннымъ въ Москвѣ. Наполеонъ выразилъ по этому поводу свое негодованіе и нашелъ, что покинуть такимъ образомъ раненныхъ возмутительно жестоко. Онъ тутъ же сказалъ Туттолмину, директору Восп. Дома: „Напишите вашему Государю, что я желаю мира“. То же желаніе о мирѣ выражено было Наполеономъ въ письмѣ которое онъ отправилъ къ Императору Александру съ капитаномъ Яковлевымъ, въ которомъ, между прочимъ, сообщаетъ своему „другу и брату“, что Растопчинъ дурно распорядился въ Москвѣ. Но все было бесполезно. Императоръ Александръ не отвѣчалъ на посланія, такъ какъ не принялъ словъ. Московскимъ губернаторомъ Наполеонъ назначилъ герцога Тревизскаго, а командиромъ Арміи графа Дюросналя. Интенданту генералу Денъ поручено было приготовить для арміи необходимыя ей средства къ существованію, оберегая отъ пожара и грабежа всѣ съѣстные припасы, которые еще сохранились въ домахъ, Наполеонъ для этой цѣли предписалъ всѣмъ войскамъ поочередно ходить въ Москву à la marande (мародеровать для заготовленія себѣ провіанта, чтобы обезпечить армію на будущее время). Учрежденъ былъ муниципалитетъ изъ представителей разныхъ національностей, которые носили красную ленту черезъ плечо, но это учрежденіе не остановило грабежа. Желая возстановить церковныя службы, Наполеонъ приказалъ привести назадъ „поповъ“, но и это не привело ни къ какому результату. Организованная городская полиція была ввѣрена опытному Лессенсу, занимавшему ранѣе постъ французскаго генеральнаго консула въ Петербургѣ. Ему былъ данъ титулъ интенданта Московской провинціи. Французскіе госпитали были размѣщены въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ, на богоугодныхъ заведеніяхъ Наполеонъ велѣлъ написать *Maison de ma mère* желая соединить нѣжное сыновнее чувство съ величіемъ добродѣтели монарха. Благотворительность Наполеона тоже не дала желаемыхъ результатовъ.

Фальшивыя и нефальшивыя деньги наполняли Москву, но не имѣли цѣны, французамъ нужно было только золото. Послѣ пожара Наполеонъ приказалъ найти поджигателей и казнить ихъ, а Растопчинъ наказанъ былъ тѣмъ, что велѣно сжечь его дома. Желая поднять духъ войска и народа, Наполеонъ дѣлалъ постоянно смотры, раздавалъ награды, разъѣзжалъ по городу и утѣшалъ жителей. Дневной приказъ императора отъ 9-го октября предписывалъ начальникамъ батальоновъ разставить патрули изъ 15 солдатъ подъ командой офицера, чтобы помѣшать возникновенію беспорядковъ и задерживать мародеровъ. Въ другомъ приказѣ отъ 10-го октября сказано было: „Императоръ съ негодованіемъ обращаетъ вниманіе на то, что вопреки его формальному приказу положить конецъ грабежу, мародеры толпами входятъ въ Кремль, нагруженные своей добычей. Въ виду этого, господамъ генераламъ и начальникамъ отрядовъ предписывается настоятельно слѣдить за выполненіемъ приказовъ его величества“. Но всѣ эти приказы не могли остановить потокъ упорядоченнаго грабежа. Провизіи было бы вполне достаточно, чтобы въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ прокормить всю армію. Но войска Наполеона, какъ распущенное стадо, топча подъ ногами кормъ, который могъ бы его спасти отъ голодной смерти, распадалось и гибло съ каждымъ днемъ лишняго пребыванія въ Москвѣ. Но оно не двигалось и въ этомъ была его погибель.

Съ начала вступленія французовъ въ оставленную Москву и во все время пребыванія

ихъ тамъ, Московская губернія, въ особенности подмосковныя села и деревни, жили ужасной жизнью. Постоянное опасеніе за свое существованіе, необычайно распространившееся количество мародеровъ и русскихъ и французскихъ, ихъ хищническое обращеніе съ чужой собственностью,—все это создало для русскихъ крестьянъ атмосферу какого-то кошмара. Правда, при всякомъ удобномъ случаѣ, они сами, сколько возможно было, истребляли ненавистныхъ враговъ. Для поощренія этого графъ Растопчинъ изъ Владиміра разослалъ по селамъ и деревнямъ обращеніе къ крестьянамъ Московской губерніи: „Крестьяне, жители Московской губерніи! Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой французъ, взошелъ въ Москву, предалъ ее мечу, пламени, ограбилъ храмы Божіе, осквернилъ алтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ.Морить нашихъ съ голоду, а теперь, какъ самому пришло ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою сзывать васъ на торги мастеровъ, на промыселъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому. Ужли вы, православныя, вѣрные слуги Царя нашего, кормилицы матушки нашей Москвы, на его слова положитесь и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному?! Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху, и придетъ вамъ умирать голодною смертію. Проведетъ онъ васъ посулами.... Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси, станемъ бить, гдѣ не встрѣнутся; ужъ мало ихъ и осталось.... Истребимъ гадину заморскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ, а Москва опять украсится, покажутся золотыя верхи, дома каменные, навалитъ пародъ со всѣхъ сторонъ!Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ—такъ кричатъ пардонъ, а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ: съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ.... мертвецами непогребенными. Куда не придутъ—тутъ и вали ихъ, живыхъ и мертвыхъ, въ могилу глубокую.... Не робѣйте, брацы удалые, дружина Московская, и гдѣ удастся—поблизости—истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда къ царю въ Москву явитесь и дѣлами похвалитесь!...“

Сравнительно легко раненные солдаты русскіе во множествѣ, пѣшкомъ, въ одиночку или небольшими командами, шли изъ Москвы и по дорогѣ „подъ предлогомъ достать себѣ на пропитаніе хлѣба, дѣлаютъ и другія шалости“. Что это были за „шалости“, видно изъ рапорта московскаго коменданта генераль-лейтенанта Гессе князю Голенищеву-Кутузову: „...что жъ принадлежитъ до мародеровъ и грабителей, о прекращеніи коихъ хотя и приняты генераломъ Левицкимъ (генераль-полицеймейстеромъ) всѣ возможные мѣры, но какъ я усматриваю, что тѣми способами, кои предоставлены ему, генералу Левицкому, по теперешнему обстоятельству, не имѣя достаточно регулярной кавалеріи, нельзя прекратить, ибо я свидѣтелемъ самъ былъ, что по дорогѣ, лежащей на Рязань, больные и раненые бредутъ безъ всякаго порядка маленькими командами и по одиночкѣ. Вездѣ дѣлаютъ разныя непозволительности. По моему мнѣнію, пока не пройдутъ изъ Москвы раненые, и пятью полками кавалеріи усмирить невозможно, и я полагаю, что здѣсь не отъ чего иного такія неурядицы выходятъ, какъ отъ того, что раненые нерѣдко по дорогѣ не имѣютъ нужнаго удовольствія, особливо вышедшіе изъ Москвы...“ Страхъ за свою жизнь передъ нашествіемъ французовъ заставилъ жителей городовъ Московской губерніи такъ же, какъ и жителей самой столицы, покинуть свое мѣстожителство. Генераль Гессе доноситъ, что „обыватели Бронницкіе почти всѣ выѣхали“. Въ другомъ доносеніи говорится, что „чиновники города Коломны, исключая городничева, удалясь изъ города, оставили безъ всякаго призрѣнія больныхъ, которыхъ бы слѣдовало немедленно отправить въ предназначенное мѣсто“. Мелкія стычки русскихъ партизановъ съ французами происходили постоянно. Во время одной изъ такихъ схватокъ у французовъ были отбиты церковная утварь и серебро со святыхъ иконъ. Кутузовъ распорядился переслать все это Августину, епископу Дмитровскому, Московскому викарію, замѣнявшему въ то время митрополита Платона, разбитаго параличомъ. Въ отвѣтномъ письмѣ Августинъ благодаритъ фельдмаршала за присланныя вещи и, между прочимъ, пишетъ: „Богоотступный галлъ пускаетъ стрѣлы свои и противу самого Неба. Нечестіе его простирается дотолѣ, что не только ругается алтаремъ нашимъ, но и своимъ, которымъ поклоняется: между утварью, присланной отъ Вашей Свѣтлости, я нашелъ нѣкоторыя утвари и католической церкви. Но Богъ поруганъ не бываетъ; праведный гнѣвъ Его чѣмъ медленнѣе постигаетъ нечестивыхъ, тѣмъ жесточе поражаетъ ихъ. Вѣрую, что Богъ, отецъ нашихъ, возстанетъ въ помощь нашу и ниспущитъ перуны пра-

веднаго мщенья на языкъ нечестивый, дерзнувший вторгнуться въ достояніе Его и осквернить храмъ святой Его. Послѣ тучъ, покрывающихъ любезное отечество паше, скоро настанетъ ведро тишины и спокойствія, и слава Монарха нашего возсіяетъ, яко солнце!“

6 октября адъютантъ Неаполитанскаго короля принесъ Наполеону печальную вѣсть о томъ, что французскій авангардъ разбитъ русскими войсками. На Наполеона это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе и послужило первымъ толчкомъ къ оставленію французами Москвы. Былъ отданъ приказъ къ немедленному выступленію изъ русской столицы. Такое поспѣшное отступленіе слишкомъ ясно показывало, что Наполеонъ уже и самъ считалъ кампанію проигранной, и, для замаскированія этого, велѣлъ объявить, что онъ оставляетъ Москву только на время, для преслѣдованія непріятеля, и, разбивши русскихъ, снова возвратится въ нее. Однако Наполеонъ не провелъ ни русскихъ, ни самихъ французовъ. При выступленіи арміи изъ Москвы тысячи французскихъ раненыхъ спѣшили собрать остатки силъ и тащились вслѣдъ за уходящими войсками; они понимали, что ихъ оставляли на произволь судьбы въ чужомъ городѣ, среди враждебнаго населенія.

Отступленіе великой арміи представляло странную картину: правда, гвардейскія кавалерія и пѣхота еще сохраняли бодрый видъ, но остальная конница была, по большей части, спѣшена или тащилась на жалкихъ клячахъ; такія же исхудалыя лошади везли тяжелыя орудія и иногда, выбиваясь изъ силъ, падали на дорогѣ; солдаты кутались во всевозможное тряпье, чтобы уберечь себя отъ холода... Шли безъ всякаго порядка, вразсыпную, какъ попало. И, несмотря на то, что французское войско, при выходѣ изъ Москвы, насчитывало болѣе ста тысячъ человекъ, оно было такъ дезорганизовано, что уже не представляло изъ себя внушительной силы.

Исполнилось желаніе русскаго народа: Наполеонъ оставилъ Москву, но оставилъ ее разрушенной, разграбленной и сожженной. Пылая злобой и мстью, онъ приказалъ маршалу Мортье, еще остававшемуся въ Москвѣ, взорвать стѣны Кремля. И, получивъ извѣстіе о томъ, что Мортье исполнилъ его приказаніе, онъ съ злобной радостью воскликнулъ: „Кремль, арсеналь и магазины—все разрушено; древняя столица Россіи и древнѣйшій дворецъ ея царей не существуетъ болѣе; Москва превращена въ груды развалинъ, въ нечистую зловонную клоаку; она утратила всякое значеніе—военное и политическое, она предоставлена на произволь русскихъ нищихъ и грабителей“. Къ счастью, это заключеніе Наполеона не оправдалось на дѣлѣ. Дѣйствительно, почти всѣ кремлевскія зданія, въ томъ числѣ Грановитая Палата и царскій дворецъ, были разрушены взрывомъ; но это не помѣшало Москвѣ со временемъ оправиться отъ ужасныхъ ранъ, нанесенныхъ ей злобнымъ непріятелемъ, и снова стать во главѣ русскихъ городовъ. Послѣ того, какъ послѣдніе отряды непріятеля покинули Москву, жизнь въ ней, и вообще во всей Московской губерніи, мало-по-малу начала входить въ свою колею. Несмотря на то, что, въ первую минуту послѣ ухода французовъ, по всей Москвѣ, какъ доносилъ князь Голицынъ Кутузову, „начался грабежь, который (былъ) остановленъ войсками, вступившими въ столицу“—уже 3-го ноября гражданскій губернаторъ Обрѣзковъ доносилъ фельдмаршалу о томъ, что онъ „уже занялся приведеніемъ почтъ въ прежній порядокъ, дабы повсюду открыть сообщеніе безъ наималѣйшаго помѣшательства...“ Почтовые станціи изъ выжженныхъ селеній переносились въ тѣ, которыя остались цѣлыми, и, такимъ образомъ, скоро уже начала функционировать почта.

Графъ Раstopчинъ, первымъ вернувшійся въ Москву послѣ ухода непріятелей, тоже тотчасъ же занялся въ ней приведеніемъ жизни въ нормальныя условія. Онъ распорядился, чтобы въ столицу возвратились всѣ тѣ казенныя заведенія, которыя, на время французскаго нашествія, перенесены были въ другіе города—Нижній-Новгородъ, Рязань, Владиміръ, Казань и т. д. Первой была устроена Пробринная Палата, за ней Казенная Палата, Губернское Правленіе, Управа Благочинія, Медицинская Контора. Городская Дума могла устроиться въ Москвѣ только 21 января во временно отведенныхъ для нея домахъ на Мясницкой и Покровкѣ. Для оказанія возможной помощи пострадавшему бѣдному населенію Москвы, графъ Раstopчинъ 27 ноября писалъ, что „учреждается въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія особенное отдѣленіе, въ которое будутъ принимать всѣхъ тѣхъ, кои лишены домовъ своихъ и пропитанія; а для тѣхъ, кои имѣютъ пристанище и не пожелаютъ войти въ домъ Призрѣнія, назначается на содержаніе